

УДК 81-2

DOI:10.17223/19986645/50/8

И.С. Урманчиева

РИТМИКО-РИФМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КОНСТРУКТИВНОЙ ВАРИАНТНОСТИ ПЕЧОРСКИХ И ОБЩЕРУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье сопоставлению подвергаются краткие (общерусские) и полные (употребляющиеся в говорах Низовой Печоры) фразеологические единицы, отличающиеся ритмико-рифмической организацией. Рассматриваются средства выразительности, сопровождающие эвфоническую гармонизацию фразем: паронимия, антитеза, абсурд, каламбур, образный параллелизм. Затрагиваются вопросы происхождения фразеологизмов, в частности процессы имплицирования (сокращения) и эксплицирования (наращения) фразеологических единиц.

Ключевые слова: фразеологическая вариантность, говоры Низовой Печоры, конструктивная вариантность фразеологизмов, ритмико-рифмическая организация фразеологизмов.

Фразеологическая вариантность включает фонетические, словообразовательные, грамматические, лексические и конструктивные отличия. При этом фразеологические единицы отдельных говоров варьируются с устойчивыми выражениями литературного языка. Варианты фразеологизмов нередко соотносятся как полная и сокращенная (краткая) разновидности, что можно отнести к проявлениям конструктивной вариантности.

В говорах Низовой Печоры сохранились фразеологические единицы (часто – пословицы), которые в литературном языке известны только в сокращенном варианте. Вполне вероятен, однако, процесс не сокращения (импlications), а наращивания (экспликации) фразеологизма в результате окказионально-диалектного речевого употребления. Детально вопросы импlications и экспликации фразеологических единиц рассмотрены в другой статье автора [1], поэтому в настоящей работе высказываются лишь предположения об их редуцировании или расширении. Сделать вывод о первичности-вторичности полного / сокращенного варианта фразеологизма возможно только при диахроническом и синхронном сопоставлении всего корпуса общерусских устойчивых выражений с фразеологизмами, сохранившимися на той или иной территории. Делать такие выводы при сравнении общерусских фразеологизмов с оборотами одного говора (даже не узколокальными) неправомерно [1. С. 79].

В статье, кроме того, не утверждается уникальность рассматриваемых полноструктурных вариантов, вполне возможно их употребление в периферийных зонах русского языка (других диалектах, разговорной речи, просторечии). Однако все привлекаемые к анализу полноструктурные фраземы употребляются на территории распространения печорских говоров – в речи коренных русских жителей поселений, расположенных по реке Печоре и ее

притокам Пижме, Цильме и Нерице (Усть-Цилемский район Республики Коми) [2. С. 8].

Узуальность и общераспространенность оборотов устанавливалась по «Фразеологическому словарю русского языка» под ред. А.И. Молоткова [3], «Фразеологическому словарю русского литературного языка» А.И. Федорова [4], «Словарю русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова [5] и «Словарю-тезаурусу русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимина [6]. Печорские фразеологизмы приводятся по «Фразеологическому словарю русских говоров Нижней Печоры» (составитель Н.А. Ставшина) [7].

Как известно, пословица характеризуется художественной оформленностью (ритмичностью, параллелизмом частей, использованием звуковых повторов, в том числе рифмы) [8. С. 327]. Народная речь часто прибегает к такой фигуре, как **рифмовка**, особенно в разного рода устойчивых оборотах и малых фольклорных жанрах. Экспрессивность рифмованных фразеологизмов создается в основном за счет повторения различных языковых элементов – частей слова [9. С. 189]. «Рифма – важнейший залог воспроизводимости паремии, но не менее важен и ритм, оформляющий высказывание, возводящий его в ранг поэтического произведения. Идеальный для паремии вариант – наличие и рифмы и четкого ритма, задающих ей особый лад» [10. С. 250]. Многие анализируемые фразеологические единицы говоров Низовой Печоры построены по этому принципу и тем отличаются от фразеологизмов литературного языка. Рассмотрим несколько примеров.

Ни рыба ни мясо. В говорах Низовой Печоры этот оборот иногда имеет факультативную вторую часть, эвфонически организованную, рифмующуюся с первой частью: *ни рыба ни мясо, <ни кафтан ни ряса>*. Посредственность, отсутствие индивидуальности выражается кулинарными и социальными образами. Общерусский фразеологизм содержит гастрономическую метафору, в которой человек уподобляется продукту, природу и качество которого невозможно определить [11. С. 486]. Диалектная пословица осложняется социально-иерархической метафорой: различие между гражданскими (*кафтан*) и духовными (*ряса*) лицами было таким же исключаящим третье (комплементарным) противопоставлением, как и различие между *рыбой* и *мясом* – основными продуктами русской кухни. Метонимически наименования традиционной одежды *кафтан* – *ряса* указывают на лиц определенного социального статуса. Сравнивая полный и краткий варианты устойчивого оборота, можно отметить, что в этом случае, вероятнее всего, произошло не усечение пословицы до фразеологизма *ни рыба ни мясо*, а, напротив, локальное развертывание двучленного фразеологизма, его наращение в диалектной речи [12. С. 616–617] до выражения *ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса*. Известно, например, такое продолжение: *ни рыба, ни мясо, ни копченая сельдь* (калька английского устойчивого оборота) [13. С. 150]. Многим славянским и западноевропейским языкам известен именно двучленный фразеологизм (ср.: бел. *ні рыба ні мяса*; укр. *ні риба ні м'ясо*; пол. *ni ryba ni mięso*; чеш. *ani ryba ani rak*; англ. *neither fish nor flesh*; нем. *nicht Fisch nicht Fleisch*; фр. *ni chair ni poisson* и др. [12. С. 616]). Отметим также, что выражение *ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса* без ареальных помет помещено только в «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зимина.

Что бог послал. В говорах Низовой Печоры выражение имеет ритмически организованную, рифмующуюся с первой вторую часть: *что бог послал, то и на стол настлал*. Общерусский оборот обычно употребляется по отношению к пище, трапезе, поэтому печорское продолжение пословицы кажется органичным и непротиворечивым. Может быть, именно поэтому общерусский оборот имеет гастрономическую семантику, не поддерживаемую никакими компонентами устойчивого оборота. В пользу того, что произошло усечение ранее существовавшей пословицы, свидетельствует и конструкция общерусского фразеологизма, представляющего собой придаточное предложение, которое только в составе пословицы обретает конструктивную завершенность. Отметим также отсутствие пословицы *что бог послал, то и на стол настлал* в паремиологических словарях литературного языка. «Большой словарь русских пословиц» приводит общерусские и ареально ограниченные варианты *что Бог послал, то и мякенькое* (пск.), *что Бог послал, то и наше* [14. С. 70].

Тянуть лямку. В говорах Низовой Печоры этот оборот имеет факультативный элемент: *тянуть <свою> лямку, <пока не выроют ямку>*. Сходное выражение зафиксировано в «Большом словаре русских пословиц» со ссылками на Даля и Разумова [14. С. 511]. Несмотря на то, что почти все этимологи единодушно возводят фразеологизм к речи бурлаков на русских судоходных реках [12. С. 408–409], исключать эллипсизации вышеприведенной поговорки до идиомы не следует, так как по содержанию она не противоречит общепризнанной этимологической версии.

С лёгким паром! В говорах Низовой Печоры традиционное русское приветствие после бани парадоксально осложняется противоречивым дополнением дисфемичного характера: *с лёгким паром, с тяжёлым угаром*. В банях пар мог смешиваться с угарным газом, от которого люди нередко умирали. Этот пар, в отличие от легкого, хорошего пара, называли тяжелым [15. С. 85]. Шутливая, ритмически организованная поговорка основана на антитезе, гармонизирующей это выражение: *лёгкий – тяжёлый, пар – угар*. Вероятно, такое нелогичное продолжение доброжелательного приветствия является образцом шутливого антифразиса – употребления слова или словосочетания в значении, противоположном обычному [16. С. 50], тем более примеры отрицательных форм, связанных с суеверным страхом сглазить, во фразеологии есть (ср. *ни пуха ни пера, ни костей ни чешуи*). С помощью парадокса, основанного на фактическом противоречии, возникает комический эффект поговорки. Балагурство, шутливый тон – неотъемлемая составляющая таких парадоксальных формул.

Губа не дура. Просторечный фразеологизм *губа не дура* в говорах Низовой Печоры может употребляться с факультативными, неточно рифмующимися частями, расширяющими конструкцию идиомы до пословицы: *губа не дура, <язык не лопата – <знают, что горько, что сладко>>*. По мнению большинства этимологов, непрозрачный идиоматичный оборот является сокращением пословицы, зафиксированной многими собирателями паремий в разных вариантах (см. [14. С. 228]): *у него губа не дура, язык не лопатка: знает, где горько, где сладко* [12. С. 170]. На фоне полной версии устойчивого выражения мотивированность, прозрачность фразеологизма *губа не дура* вос-

становливается. Против версии сокращения пословицы выступает А.И. Молотков, считающий, что выражение не является следствием сокращения, а, наоборот, включается в новую поговорку [17. С. 113–114]. В говорах Низовой Печоры пословица имеет также вариантный компонент *топор* (*губа не дура, <язык не топор>*), при этом сохраняется только параллелизм конструкции, но отсутствуют рифма и четкий ритм.

Где сядешь, там и слезешь. Общерусский оборот употребляется применительно к человеку изворотливому, неуступчивому. Печорская поговорка *где сядешь, там и слезешь, никуда не уедешь* свидетельствует о том, что выражение относилось к верховым животным. Все три части зарифмованы, ритмически организованы. Третья часть мотивирует зооморфный образ, без нее не декодируемый: на человека никто не садится и не едет.

С лица не воду пить. В говорах Низовой Печоры развернутая пословица употребляется в двух по-разному организованных вариантах: рифмованном и ритмизованном (*с лица воду не пить, а ума не купить*) и нерифмованном, с отсутствием четкого ритма (*с лица воду не пить, умела бы пироги печь*). Пословица в разнообразных вариантах употребляется во многих говорах. По смысловому содержанию можно условно разделить варианты на три группы: 1) к непривлекательной внешности жены можно привыкнуть (*нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить*; *с лица воду не пить, можно и с рябою жить* [14. С. 487]; *с лица не воду пить, можно с некрасивой жить* [6. С. 687]); 2) красота жены не главное, главное – ум и человеческие качества (*с лица воду не пить, а ума не купить* (печор.); *с лица не воду пить, а с человеком жить* [6. С. 687]; *с лица воду не пить, а разума не купишь* (кубан.) [14. С. 487]); 3) красота жены не главное, главное – хозяйственность (*с лица не воду пить, умела бы пироги печь* [18. Т. 1. С. 284]). Общеупотребительный вариант *с лица не воду пить* вбирает все три типа оправдания женской непривлекательности, обладает смысловым синкретизмом, пословичные варианты отличаются дифференцированным подходом, смысловой дискретностью.

Говорят, что кур доят. Общерусская шутовская поговорка в говорах Низовой Печоры имеет вариантное продолжение: *говорят, что кур доят, коров на яйца садят / говорят, что кур доят, коровы яйца несут*. Первый вариант этой поговорки поддерживает эвфоническую организацию общенародного оборота, основанную на акустической рифме при намеренном переносе ударения в компоненте-глаголе с корня на флексию. Второй вариант ритмико-рифмической организацией не обладает. Оборот построен по принципу нарочитого абсурда с целью выражения смысла ‘не всяким слухам можно верить’. Употребляемое в говорах Низовой Печоры продолжение поговорки создает перекрестный образ: *кур доят – коровы яйца несут* (в действительности наоборот), представляющий собой яркий пример алогизма – несоответствия смысла речи реальному положению дел, ложность утверждений [19. С. 101].

Язык без костей. В говорах Низовой Печоры эта идиома является частью таких вариантных пословиц, как *язык без костей, <что хочет, то и лопочет>* / *язык без кости, <мелет напрости>* / *язык без костей, <гнётся, ломится>*. Во всех случаях расширительная часть является факультативной. Первый полный вариант *язык без костей, <что хочет, то и лопочет>* отличается от сокращенного конструкцией, части которой рифмуются между со-

бой благодаря паронимии слов *хочет* – *лопочет*. Во втором полном варианте *язык без кости*, **<мелет напрости>** факультативная часть рифмуется с основной грамматически контрастной рифмой (*кости* – *напрости*, где *напрости*, вероятно, ‘свободно, вольно, беззаботно’ (в «Словаре русских народных говоров» *напросто* [20. Т. 20. С. 102], в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» это наречие не зафиксировано). Еще один вариант *язык без костей*, **<гнётся, ломится>** эвфонической организацией не обладает, но имеет факультативную часть, лучше других завершающую образ: язык не имеет костей, поэтому обладает гибкостью и подвижностью. Однако этот вариант менее других способен передавать смысл ‘речевая невоздержанность’. Особенность безобразной идиомы *язык без костей* в том, что она основана не на переинтерпретации, а на буквализации значения (построена по принципу констатации факта), что для идиом не характерно. Без второй части (т.е. ее усечения) идиоматичность оборота ставится под сомнение. Поэтому, вероятнее всего, такое усечение в прошлом имело место. Этимологи в качестве полной версии приводят пословицу *язык без костей – что хочешь плети* [12. С. 781] с каламбурным обыгрыванием глагола *плести* ‘перевивая, соединять в одно целое’ и ‘говорить что-нибудь несуразное, глупое’. Однако, учитывая локальную вариантность, это могло быть и другое выражение (ср. разнообразие вариантов пословицы в национальном языке: *язык без костей, а кости ломают*; *язык без костей: всё перемелет*; *язык без костей: как хочет, так и ворочается*; *язык без костей: куда хочешь, туда и воротит*; *язык без костей: мелет*; *язык без костей: назовёт к себе гостей* (перм.); *язык без костей: намелет на семь волостей* (ленингр., кубан.); *язык без костей: он не перетреплется, не перемнётся* (арх.) [14. С. 1013]).

Был конь, да заезжен. В говорах Низовой Печоры эта общерусская пословица имеет варианты словообразовательно-конструктивного типа: *был конь, да уезжен* (*уезженный, приезженный*), **<был человек, да уроблен>** / **<был мужик, да уроблен>**, *был конь, да уезжен*. Печорское выражение организовано по принципу образного (психологического) параллелизма – сравнения эмоциональных состояний и событий человеческой жизни с состояниями и явлениями природы [21. С. 107–117]. Фигура образного параллелизма обязательно сопровождается лексико-синтаксическим параллелизмом: *был конь, да уезжен*, **<был человек, да уроблен>**. Две части пословицы унифицированы не только в конструктивном плане, но и в ритмико-рифмическом отношении (с неточной рифмой). Благодаря психологическому параллелизму смысловые акценты в печорской пословице не смещаются и не смешиваются. Сокращенный общерусский вариант ввиду отсутствия антропной части подвергается зооморфному переосмыслению и вбирает в себя образ отсутствующей собственно человеческой части оборота: *был конь, да заезжен* говорится не о коне, а о потерявшем силы, постаревшем, больном человеке [6. С. 97, 170]. Отметим также немногочисленность полных вариантов этой пословицы: *был конь, да ежжан*, *был молодец, да держан* (сев.-рус.); *был конь, да заезжан*, *был молодец, да подержан* [14. С. 426].

Ни кола ни двора. В говорах Низовой Печоры эта общеизвестная разговорная идиома является частью нескольких вариантных поговорок: *ни кола, ни двора*, **<ни милого живота>** / *ни кола, ни двора*, **<ни перегородки>** / *ни кола ни*

двора, *ни поддворна труба* / *ни кола, ни двора, ни поддворного места* / *ни кола ни задоринки*. Н.М. Шанский предполагает эллипсизацию оборота *ни кола, ни двора, ни милого живота* до общеизвестного варианта [13. С. 114]. Существуют разнообразные этимологические версии объяснения исходной семантики фразеологизма. Основные споры ведутся по поводу истолкования значения слова *кола*, приводятся преимущественно следующие объяснения: 1) *кола* – ‘полоса пахотной земли шириной в две сажени’ (Борзенко); 2) *кола* – ‘небольшой участок земли’ (Шанский); 3) *кола* – ‘дым’ (Федорова); 4) *кола* – ‘дом, жилище’ (Тимошенко); 5) *кола* – ‘толстая палка с заостренным концом’ (Мокиенко) (см. [12. С. 317–318]). Многочисленные печорские варианты поддерживают последнюю версию: лексические варьируемые компоненты *перегородка, задоринка* семантически однородны слову *кола* в значении ‘материал, из которого делается ограда’ и в составе поговорки вместе с компонентами *кола, двор* обозначают нечто целое, частями которого они являются. Рифмической организацией (с неточной рифмой) обладают варианты *ни кола, ни двора, ни милого живота; ни кола ни двора, ни поддворна труба; ни кола, ни двора, ни поддворного места*. Ритмической – только *ни кола ни двора, ни поддворна труба; ни кола, ни двора, ни поддворного места* (в последнем варианте с небольшими отклонениями).

На посошок. В говорах Низовой Печоры эта общерусская поговорка, произносимая как последний тост перед расставанием, перед дорогой, употребляется с расширительным компонентом, придающим поговорке шутиливо-игровой, балагурный тон: *на посошок да на свой бережок*. Выбор компонента *бережок* подчинен цели гармонизировать оборот посредством рифмовки и ритмизации: *посошок – бережок*.

Тяп-ляп. По мнению В.П. Жукова, фразеологизм возник из пословицы *тяп-ляп да и корабль (корабль)* [22. С. 468]. В говорах Низовой Печоры эта пословица употребляется до сих пор: *В руках худо рождается у его, тяп-ляп – опять корабль, всё разваливается; А чё у его и работа: тяп-ляп – вышел корабль*. В практике речевого употребления компоненты *тяп-ляп* и *корабль* рифмуются благодаря выпадению эпентетического [л'] и оглушению звонкого [б] и ритмизуются ввиду наличия ослабленного (побочного) ударения в проклитике *тяп*.

Рассмотренные конструктивные варианты устойчивых оборотов, бытующие в говорах Низовой Печоры, отличаются от своих кратких вариантов литературного языка ритмико-рифмической организацией. Ряд выражений обладает точной рифмой (*ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса; что бог послал, то и на стол настлал; тянуть лямку, пока не выроют ямку; с лёгким паром, с тяжёлым угаром; где сядешь, там и слезешь, никуда не уедешь* и др.), другие имеют неточную рифму (*губа не дура, язык не лопата – знают, что горько, что сладко; язык без кости, мелет напрости; был конь, да уезжен, был человек, да уроблен; ни кола, ни двора, ни милого живота*).

По частеречной принадлежности рифмантов преобладают однородные (именные и глагольные) рифмы, разнородные (грамматически контрастные) рифмы немногочисленны.

«Основное значение рифмы – создать звуковую симметрию фразеологизма. Лексико-семантические и логико-синтаксические связи, подчиняясь этой

функции, играют второстепенную роль в организации рифмованных пар, они как бы «подгоняются» под их «звуковую симметрию». Рифмические и ритмические элементы активно влияют на грамматическую структуру, порядок слов и другие структурные элементы фразеологизма» [9. С. 189]. Показательный пример – сосуществование в говорах Низовой Печоры двух вариантов пословицы, один из которых (общеизвестный) организован ритмически, но не обладает рифмой: *беда не приходит одна*; другой – всей своей организацией и расширенным компонентным составом подчинен и ритму и рифме: *одна беда не ходит, всегда другую водит* (за небольшим отступлением строгое чередование ударных и безударных слогов). За пределами печорских говоров бытуют и другие рифмические, но менее гармоничные, не ритмизованные варианты: *одна беда не ходит: беда беду водит*; *одна беда не ходит: за собою горе водит* [14. С. 41].

Таким образом, **ритм** – равномерное чередование ударных и безударных слогов [19. С. 642] – в рассмотренных паремиях не менее важен, чем рифма. Ритм ориентируется на определенную метрическую схему как на абстрактный образец, но отличается от метра и размера. Народные пословицы и поговорки, как и реальная речь, допускают отступления от метрической схемы ввиду разноударности и многосложности русских слов. Например, в выражении *ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса* наблюдается отступление от метрической схемы (амфибрахий) во второй конструктивной части фразеологической единицы благодаря компоненту *кафтан*, имеющему ударение на втором слоге.

В шутивно-каламбурном ключе построены выражения *тянуть ляжку, пока не выроят ямку*; *говорят, что кур доят, коров на яйца сажают*. В этих оборотах рифма служит для создания алогизма, абсурдного высказывания, поддерживающего традиции балагурства народной речи. «Языковой механизм создания комического эффекта в паремиях – это совокупность семантических и стилистических особенностей, заложенных в структуре и содержании паремий. В самом общем смысле этот механизм сводится к алогизму (парадоксальности) семантики пословиц и поговорок. Причем если экспрессивность как средство создания комического эффекта ярче проявляется в поговорках, то парадокс чаще встречается в пословицах и является одним из средств формирования подтекста в высказывании» [10. С. 261].

Парадоксальность полноструктурных выражений нередко строится на антитезе (*говорят, что кур доят, коров на яйца сажают*), однако не все антитестические конструкции алогичны (*был конь, да уезжен, был человек, да уроблен*; *с лица воду не пить, а ума не купить*). Противоположность некоторых пословиц строится на языковых и контекстуальных антонимах (*с лёгким паром, с тяжёлым угаром*; *губа не дура, язык не лопата – знают, что горько, что сладко*). Варьируемая часть последней пословицы выражает альтернативно-противительные отношения конструкциями, пропозиционные компоненты которых имеют равный вес и равноценные логические отношения [23. С. 52].

Парономасия (фигура сближения слов по созвучию), которая свойственна многим рассмотренным оборотам, выполняет в них ряд функций: эвфоническую (ритмико-рифменная организация), мнемоническую (связанную с запо-

минаемостью), игровую (прием балагурства). Парономасия часто служит неисчерпаемым источником звуко-смысловой игры слов [19. С. 539]. «При рифмованном соединении слов на передний план выступает не тождество содержания, а тождество выражения. Именно «гиперлексемный» характер рифмы обуславливает общую эмфатическую экспрессивность рифмованных фразеологизмов» [9. С. 190].

Ритмико-рифмическая организация – это лишь одно из проявлений конструктивной вариантности диалектных и литературных фразеологических единиц, но благодаря гармонизирующей силе ритма и рифмы – одно из самых ярких.

Безусловно, ритмико-рифмическая организация фразеологических единиц способствует их сохранению в условиях устного бытования (если полноструктурный вариант первичен) или расширению, обновлению, повышению экспрессивности за счет гармонизации выражения (если полноструктурный вариант вторичен). Размеренное существование сельского жителя предрасполагает к накоплению многочисленных полноструктурных вариантов устойчивых выражений, создает благоприятные условия для консервации архаичных явлений, служит благодатной почвой для появления обновленных, эвфонически организованных вариантов привычных оборотов.

Литература

1. Урманчеева И.С. Печорские фразеологизмы на фоне общерусских: конструктивные отличия // PHILOLOGY. 2017. № 2 (8). С. 79–82.
2. Урманчеева И.С. Печорские фразеологизмы на фоне общерусских инвариантов // Язык и культура. Новосибирск. 2014. № 14. С. 7–12.
3. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. 6-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2001. 512 с.
4. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878, [2] с.
5. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 9-е изд., стер. М.: Рус. яз., 2002. 544 с.
6. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 736 с. (Настольные словари русского языка).
7. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / сост. Н.А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 420 с.
8. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562, [1] с.
9. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.
10. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
11. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. 2-е изд., стер. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 784 с. (Фундаментальные словари).
12. Бирх А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926, [2] с.
13. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.
14. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.
15. Вакуров В.Н. С легким паром // Рабоче-крестьянский корреспондент. 1977. № 1. С. 85.
16. Энциклопедический словарь-справочник: Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 480 с.

17. Молотков А.И. От фразеологизма к фразеологизму // Русский язык за рубежом. 1969. № 3. С. 112–114.
18. Даль В.И. Пословицы русского народа. 3-е изд.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 382 с.; Т. 2. 399 с.
19. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 941 с.
20. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов. 2-е изд. СПб.: Наука, 2002. Вып. 20. 378 с.
21. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 405 с.
22. Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 2003. 543 с.
23. Иуханова Д.И. Противительные отношения на различных ярусах синтаксиса: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 204 с.

RHYTHM AND RHYME ORGANISATION AS MANIFESTATION OF CONSTRUCTURAL VARIABILITY OF PECHORA AND ALL-RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 50. 125–134. DOI: 10.17223/19986645/50/8

Irina S. Urmancheeva, Syktyvkar State University of Pitirim Sorokin (Syktyvkar, Russian Federation).

E-mail: isurman@rambler.ru

Keywords: phraseological variability, dialects of Local Pechora, structural variability of phraseological units, rhythm and rhyme organisation of phraseological units.

The article aims to compare complete (Pechora) and short (all-Russian) structural variants of phraseological units differing in the rhythm and rhyme organisation.

The object of the research are complete-structure phrasemes used in the territory of the distribution of the Pechora dialects (speech of indigenous Russian residents of settlements located down the Pechora River and its influxes the Pizhma, the Tsilma and the Neritsa (the Ust-Tsilemsky region of the Komi Republic)) in comparison with all-Russian phraseological units. The use and prevalence of the units were determined by Russian phraseology and proverbs dictionaries. The Pechora phraseological units are given by *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Nizhney Pechory* [The phraseological dictionary of the Russian dialects of the Lower Pechora].

In the research the method of contrastive (comparative) analysis was applied. To explicate constructive, figurative and artistic distinctions of Pechora and all-Russian phrasemes, the semantic-stylistic method, the method of linguistic (synchronous) description, elements of etymological analysis were used.

In the research the complete-structure phraseological units used in dialects of the Local Pechora are compared to their short popular variants in separate entries. The analysis showed the rhyme and rhythm features of dialect units that distinguish them from all-Russians phrasemes. The different figurativeness of constructive variants is compared, different etymological versions of phraseological units origin, in particular implication (shortening) of proverbs to set phrases and explication (augmentation) of phraseological units as a result of the occasional and dialect speech use are considered.

Conclusions:

1. Constructive variants of set phrases in the dialects of the Local Pechora differ from the short variants of the literary language in their rhythm and rhyme organisation. Some phrases have perfect rhyme (*gde syadesh', tam i slezesh', nikuda ne uedesh'* [where you sit down, there you get down, you won't leave anywhere], etc.), others have slant rhyme (*yazyk bez kosti, melet naprosti* [tongue without a bone, speaks nonsense]; *byl kon', da uezhen, byl chelovek, da uroben* [there was a horse and now it is worn out, there was a person and now is overworked]).

Rhyming words mostly belong to the same part of speech (nouns and verbs), different parts of speech in rhymes are few.

2. Rhythm, a uniform alternation of stressed and unstressed syllables, is also important in the considered proverbs and sayings, as well as the real speech, allow breaking the metric diagram in view of the different stress patterns and polysyllabic structure of the Russian words.

3. The rhythm and rhyme organisation of phraseological units comes along with other means of expressiveness, such as antithesis, pun, alogism, paradox, paronomasia, etc.

Paronomasia (convergence of words by consonance), inherent to all considered unites, has several functions: euphony (the rhythm and rhyme organisation), mnemonic (easy to remember), game (buffoonery).

References

1. Urmanceeva, I.S. (2017) Pechora phraseological units compared with the all-Russian ones: the features of construction. *PHILOLOGY*. 2 (8). pp. 79–82. (In Russian).
2. Urmanceeva, I.S. (2014) Pechorskie frazeologizmy na fone obshcherusskikh invariantov [Pechora Phraseologisms Against the Background of All-Russian Invariants]. *Yazyk i kul'tura*. 14. pp. 7–12.
3. Molotov, A.I. (ed.) (2001) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian language]. 6th ed. Moscow: AST: Astrel'.
4. Fedorov, A.I. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian literary language]. 3rd ed. Moscow: Astrel': AST.
5. Zhukov, V.P. (2002) *Slovar' russkikh posloviits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. 9th ed. Moscow: Rus. yaz.
6. Zimin, V.I. (2008) *Slovar'-tezaurus russkikh posloviits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* [Dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings and phrases]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
7. Stavshina, N.A. (2008) *Frazeologicheskiy slovar' russkikh govorov Nizhney Pechory: v 2-kh tomakh* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: in 2 volumes]. St. Petersburg: Nauka.
8. Matveeva, T.V. (2010) *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [A complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don: Feniks.
9. Mokienko, V.M. (1989) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2009) *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and paremiology]. Moscow: Flinta: Nauka.
11. Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [A large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Use. Cultural commentary]. 2nd ed. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
12. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2007) *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskiy slovar'* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary]. Moscow: Astrel': AST: Khranitel'.
13. Shanskiy, N.M. (1985) *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh posloviits* [A large dictionary of Russian proverbs]. Moscow: ZAO "OLMA Media Grupp".
15. Vakurov, V.N. (1977) S legkim parom [Enjoy your steam]. *Raboche-krest'yanskiy korrespondent*. 1. pp. 85.
16. Skovorodnikov, A.P. (ed.) (2016) *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopaedic dictionary-reference. Expressive means of the Russian language and verbal errors and shortcomings]. 4th ed. Moscow: FLINTA: Nauka.
17. Molotov, A.I. (1969) Ot frazeologizma k frazeologizmu [From phraseologism to phraseologism]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 3. pp. 112–114.
18. Dahl, V.I. (1984) *Posloviitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. 3rd ed. In 2 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
19. Moskvina, V.P. (2007) *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoy russkoy rechi. Tropy i figury. Terminologicheskiy slovar'* [Expressive means of modern Russian speech. Tropes and figures. Terminological dictionary]. 3rd ed. Rostov-on-Don: Feniks.
20. Filin, F.P. (ed.) (2002) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. 2nd ed. Is. 20. St. Petersburg: Nauka.
21. Veselovskiy, A.N. (1989) *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow: Vysshaya shkola.
22. Zhukov, V.P. & Zhukov, A.V. (2003) *Shkol'nyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [School phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie.
23. Ishkhanova, D.I. (2007) *Protivitel'nye otnosheniya na razlichnykh yarusakh sintaksisa* [Adversative relations on different levels of syntax]. Philology Cand. Diss. Stavropol.